

Кайл Иторр

Истинный маг

Книга Тьмы

Кайл Иторр
Истинный маг

«Калико Яков Владимирович »

Иторр К.

Истинный маг / К. Иторр — «Калико Яков Владимирович »,
— (Книга Тьмы)

Галлия, времена доблестных королей-героев, премудрых жрецов и не менее премудрых магов. О рождении, юности и некоторых других эпизодах бурной жизни одного такого мага, прозванного Кречетом, здесь и рассказывается. О черных заговорах и белых стихах, о рубиновых лучах солнца и нефритовом зеркале сновидений, о лисьем хвосте и терновом кусте. Смесь мистического фэнтези с пародией на него же.

© Иторр К.

© Калико Яков Владимирович

Содержание

Сказание первое	5
Не-бывшее	7
Сказание второе	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Кайл Иторр

Истинный маг

Кроме бывшего, настоящего и будущего у них есть еще небывшее, ненастоящее и небудущее. Если ты чего-то не сделал, это не отрицание, а небывшее время.

Элеонора Раткевич «Джсет из Джсетевена»

Сказание первое

Давным-давно

«...Первым звуком в его жизни стало журчание ручья. Медленное, рокошующее, удовлетворенное.

Первым светом в его жизни стал окрашенный серебром луч весенней луны. Луна уже заходила, мгновением позже из-за горизонта вынырнуло солнце и послало первый свой луч сквозь длинный каменный коридор к подножию Ключа, шестигранного камня в центре серого кольца менгиров.

Тринадцать раз ударило его сердце, пока ребенок смотрел в глаза жрице Великой Богини, всемогущей Сулевиш, по мановению руки которой разгорался и гас пожар войны, а реки меняли свое течение. Затем священный золотой нож опустился, пролив жертвенную кровь.

Но кровь эта была кровью самой Сулевиш, а не новорожденного младенца, безымянного и безродного, и значит, лишеного небесных и земных заступников и покровителей.

И кровь коснулась его губ раньше, чем материнское молоко. Которого он, однако, так и не попробовал, потому что сам встал с окровавленного алтаря. Встал ребенком, но не младенцем, а самое малое шестилетним. И тогда же густые черные волосы его пробороzdила первая седая прядь...»

– Так и было, Маэв?

– Так и было. Мне эту историю рассказывала Динор, внучка Эйлин, младшей жрицы, которая своими глазами видела шестилетнего младенца и гибель Сулевиш...

«...А когда пришел срок наречения имени сердца, мальчик ушел в лес. И явились к нему ночью волк, соловей, лосось, кречет и дракон.

И пообещал волк, что сделает его сильным, неутомимым и выносливым, что подарит ему свободу и гордость, что будет он властен не уступать дороги никому, кроме лесного пожара, наводнения да горного обвала.

И пообещал соловей, что сделает его вольным и радостным, что не тронет его сердце ни одно горе и поношение, что мир будет ему в радость, а сам он и песни его – в радость миру.

И пообещал лосось, что сделает его частью первозданной природы, поведаст все ее секреты и загадки, что поможет ему нырнуть к самым корням Мирового древа и познать тайну бытия.

И пообещал кречет, что сделает его способным летать и парить в вышине наравне с крылатыми от рождения, что взгляд его будет проникать во все уголки подзвездного мира, а дух возвысится над звездами, хладный и спокойный, словно воздух горных высот.

А дракон ничего не стал обещать. Лишь сверкнул кровавым багрянцем чешуи и молча сказал: выбирай, да не ошибись в выборе своем, ибо судьбы многих зависят от сего выбора!

Вернувшись утром к людям, мальчик назвался Кречетом. На правом плече его действительно топорщили татуированные перья молодой черно-серый кречет.

Но на правом запястье, у самого локтя, улыбалась голова мудрого красного дракона...»

– Маэв, но об этом я никогда не слышала!

– Мало ли чего ты не слышала... Это было так, я тебе точно говорю! Как знахарка Керидуэн напоила Кречета приворотным зельем и переспала с ним, слышала? Вот ее-то внук Эмрис и рассказал. Я сама была в Руане, когда он поведал эту часть легенды.

– А как же его раньше не узнали – со знаком дракона?...

– Так ведь и узнали...

«...И оставил он Озерный край, когда пришел срок странствий, и путь его лежал на юг. И не был путь тот долог и опасен – не дольше и не опаснее прочих путей, ведущих к сердцу Ллогрис, в место, что зовется Хрустальной пещерой. Не всякому открывался ход в средоточье сил, но молодому Кречету препятствий не чинили.

И остался он в Пещере на три луны, а потом еще на три, дабы выучиться премудростям, ведомым лишь Посвященным. И грани хрустального яйца видели его сны и открывали Кречету сны тех, кто грезил здесь прежде. Не открыла Пещера ему былого и грядущего, не лежало сердце Кречета к этому, но открыла глаза, чтобы мог он прозревать сущность вещей.

А когда Пещера осталась за спиной, легли перед Кречетом три дороги. Звериная тропа в дебри лесные, где сила его стала бы единой с силой лесов, зверей и птиц, с мудростью Друантии Зеленой; усыпанная острыми камнями горная тропа дерзкой Бронах, которая бросила вызов морю и бездне Аннона, вышла на бой и одолела их; пыльная извилистая тропа меж холмов, куда ушел Фион Могучерукий, прежде чем взобраться на небо и быть низвергнутым оттуда на престол Гитина, Ллогрис и Лионесс.

Кречет не стал выбирать ни одну из этих троп, ибо чужды они были потерявшему молодость волшебнику. Ударил он камнем о камень, и в рожденных ударом искрах открыл собственную дорогу.

И Страж сперва не желал пускать его на этот путь и стал биться с волшебником. Но когда в жаркой битве разорвалось одеяние Кречета, и открылся для Стража знак – прочь отступил он, не смея перечить боле...»

– Так вот о каком знаке говорилось...

– Конечно.

– Маэв, а если...

– А если без «если»? Глупо верить сказаниям бардов, вот только не верить им – еще глупее, Морра.

Не-бывшее

Конечно, этого не произошло, потому что такого не бывает. Стань ты трижды великим магом да чародеем – с отрубленной головой заклинаний не выговоришь и пассов колдовских тоже не сотворишь.

Впрочем, пассы да жесты разные делать, по сути, и нечем, когда от тебя одна голова осталась. Чисто старый клинок сработал, спинной мозг от головного так отделил, что не смешал одно с другим. Потому только Кречет и мог пока мыслить. Мысль – это оставалось с ним до конца.

А конец казался более чем близким...

Есть и такие заклинания, для которых язык да руки не нужны, одной мысли довольно. Есть, кто ж спорит. И Кречет знал несколько.

Только много ли толку от знаний, коли нельзя их к делу приставить? Заклинания такие, все как одно, требуют ясного разума, воли и силы. Немалой силы. Ясный разум у Кречета был, но и только; воли едва-едва хватало, чтобы удерживать сознание в отсеченной голове, а сил и вовсе не оставалось.

«Попробуем вместе?» – пришла мысль.

Труп Моргъен, свисавший с окровавленного кола, не пошевелился, но мысль была ее. Кроме Королевы Моря, некому тут к нему обращаться. И к ней – некому, кроме него.

«Давай вместе,» – согласился Кречет и передал мысленный узор, первую часть образа-заклинания.

Потом вторую.

Когда в него хлынула небывалая легкость и невесть откуда появился прилив надежды, Кречет отдал Королеве завершение заклинания и воспарил над собственной головой, что медленно обращалась в прах. Рядом рассыпалось таким же прахом тело Морры, а сама она серым призраком взмыла к потолку.

«Что теперь?»

«Создать новое тело. Или – войти в новорожденного.»

«Вместе?»

«Только через твой труп! – возмущенно заявил волшебник, хотя и знал, что ни у него, ни у Морры теперь даже трупа нет. – В одном теле нам не бывать!»

«Как ни странно, я согласна. Что ты выберешь?»

«Новорожденного. Проще и быстрее.»

«А как же душа, которой предназначено туда вселиться?»

«За это придется потом заплатить.»

«А я, наверное, попробую сперва без платы обойтись.»

«Удачи.»

Призрак Кречета скользнул вверх и исчез.

Сказание второе

Давно

Вряд ли Фион Могучерукий, сокрушая черную луну, ведал, что последует за этим. А коли и ведал, то далеко не все.

Однако, если он это знал, но все равно взялся за дело, – даже самые ретивые барды и сказители определенно недооценивали героя.

Пока в небесах кружила черная луна, пока ее незримые лучи смешивались с серебром обычной луны, – вокруг земли держался тонкий, но прочный панцирь, отражая некоторую часть солнечного золота. И не только золота: оно, конечно, металл священный да божественный, и чрезмерный груз этого металла людям приносит больше вреда, нежели пользы, но главное не в золоте заключается. А в тепле.

Взять хотя бы теперешние зимы! До Фиона, если Узкое море не покрывалось льдом, такую зиму за теплую считали, а уж коли Сена вскрывалась до прихода Бельтейна, до середины весны – так и вовсе праздник великий. А теперь? Вечером в канун праздника Йоль на изломе зимы выставишь ведро с водой из дома, так к утру вода в нем и будет. Может, корочкой льда подернется. И в дорогу зимой пускаться – не подвиг великий. Не как летом, конечно, но все одно, под силу обычному человеку. А на юге Галлии, подумать только, виноград расти начал! Это к северу-то от Пиреней, в Гьенни, Ландах и Оверни! Кто былые времена помнит, чудом из чудес считает, и правильно считает. Раньше-то там яблоки с трудом приживались...

Кречет родился, когда черной луны в небесах уже не было. Однако старые времена помнил. Поневоле пришлось вспомнить, принять в себя чужую память, память тех, кто вошел в Хрустальную пещеру и не вернулся. Помнил, что случилось это, когда Сципион после пяти-месячной осады отдал приказ штурмовать Карт-Хагайн, а гордый Ганнибал, не желая умирать побежденным, осушил чашу отравленного вина. Не так давно дело было, если подумать, три поколения назад – но мир переменялся разительно. Жизнь стала... мягче. Не проще – мягче.

Кое-кто из бардов говорил, что Фион уничтожил витавший над миром призрак Старого Мира. Разумеется, волшебники принародно лишь улыбались такому: призраки уничтожать – не для героев занятие, им с реальными чудовищами надлежит бороться, и нечего байки рассказывать, будто ныне их не встретить; отойди на полдня от дома, чудище само тебя быстро найдет. Принародно – улыбались, но в разговорах между собой... впрочем, в нечастых разговорах между собой эту тему волшебники не поминали.

Потому что правы были барды, говоря о Старом Мире. И неправы – называя черную луну «призраком», ибо она была реальной и даже более того... это теперь от нее осталось всего-навсего пятно на голубом хрустале небесного купола, а спустя несколько веков и пятна видно не будет.

Да и не в пятне дело.

Незримо-черная луна действительно висела над землей с ТЕХ времен, она действительно преграждала части солнечного света и тепла путь в мир людей. Но не из-за слепой прихоти природы и богов-демонов былых дней; все в мире, этом или любом другом, имеет свои причины.

Земля жила под грузом холода, скудно и неуютно, но жила. Многие века. Она привыкла к этому грузу, не очень его замечая, пока герой Фион не сбросил с небосвода черную луну. Избавленная от бремени, земля радостно расправила плечи... и далеко не сразу поняла, что не просто бремя то было, а защитный панцирь.

Кречет безрадостно улыбнулся: он помнил переполох, что случился тогда. Это тоже произошло до его рождения, только уже после кончины могучего Фиона... Потом, когда все

немного успокоилось, барды записали балладу, как полагается, смешав все что только возможно, спутав бывшее с грядущим, а причину со следствиями – но пусть лучше остается так.

Он легко вспомнил эту балладу. Да, пусть лучше остается так. Не нужно лишний раз ворошить прошлое...

Это было давно... Под багряной луной
на поросшие терном просторы
из пучины морской на решающий бой
выходили армады фоморов.

Это было, когда поднималась вода,
между жаром зажата и хладом.
И былые года прозывались «беда»,
ибо бездна повздорила с адом.

Тьма сражалась в ночи, в раскаленной печи

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.